

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ М.ФУКО

Зоря Ирина Валерьевна - ассистент кафедры иностранных языков Энгельсского Технологического Института Саратовского Государственного Университета

У представителя французского структурализма, М. Фуко главной темой произведений является анализ эпистем (культурно-исторических образований). В своей работе «Слова и вещи», М. Фуко описал три эпистемы, а именно, ренессансную, охватывающую XVI век, эпистему классического рационализма, описывающую период начала XVII – конца XVIII века, и последнюю, начавшуюся в конце XVIII века и продолжающуюся до настоящего времени.

С точки зрения Т. Куна, который исследовал структуру научных революций и создания новых теорий, можно выделить три типа явлений:

1) явления, хорошо объяснимые с точки зрения существующих парадигм; они редко составляют причину или отправную точку для создания теории;

2) явления, природа которых указана существующими парадигмами или эпистемами. Это явления, исследованию которых ученый отдает много времени, но его исследования нацелены на разработку существующей эпистемы, а не на создание новой. Когда эти попытки в разработке парадигмы терпят неудачу, ученые переходят к изучению третьего типа явлений;

3) осознанные аномалии, характерной чертой которых является упорное сопротивление объяснению их существующими парадигмами.^{74 1}

Эпистемы определяют для всех явлений соответствующее место в теоретических построениях исследовательской области ученого. Хотя Т. Кун рассматривает парадигмальные, или эпистемологические сдвиги только в естественных науках, сам механизм таких сдвигов получает у него, в сущности, гуманитарное объяснение – как изменение взгляда научного сообщества на изучаемые явления. На множестве примеров Т. Кун показывает, что к научным революциям ведет не открытие новых фактов и даже не новая интерпретация имеющихся фактов, а внезапное изменение взгляда на мир. Еще более радикальные выводы из куновской концепции были сделаны методологией науки конца XX века, где начинает преобладать конструктивизм, т.е. представление о научных теориях и понятиях как о культурных конструктах, содержание которых задается человеческим субъектом. Поворот к гуманитарной проблематике, таким образом, определяется всем ходом развития науки XX века в ее отталкивании от позитивизма.

Взгляды Т. Куна были проецированы на гуманитарные науки в рамках философской школы Л. Альтюссера и его последователей, где концепт эпистемологического отрыва обогащается понятием «эпистемологического разрыва» (*rupture épistémologique*), понимаемого как результат отрыва, имеющий философскую природу, а также понятиями внутренних идеологических отрывов, предшествующих моменту эпистемологического отрыва и пересмотру теоретической проблематики,

1. см. Кун Т. Структура научных революций. М., 2003.

который неизбежен в истории науки»⁷⁵². Для Л. Альтюссера концепт эпистемологического разрыва распространяется не только на экспериментальные науки, но на всю историю науки; он рассматривает вопросы непрерывности и прерывистости как основную характеристику построения научного знания.

Понятие эпистемологического разрыва у Г. Башляра означает непрозрачность, неперебиваемость и невыводимость разных типов знания. Оно предполагает признание некумулятивного характера развития и дисконтинуальности знания, которое рано или поздно обнаруживает наличие непреодолимого для себя «эпистемологического препятствия» как предела собственного изменения, что требует смены установок на совершенствование уже имеющегося знания установками.

Таким образом, согласно Г. Башляру, речь должна идти не о филиации идей, а о переворачивании перспектив их развития. Эпистемологический разрыв полагает (при обнаружении новых объяснительных принципов) становление иной «эпистемологической непрерывности» в рамках иной исследовательской программы. В этом смысле, по Башляр: «Рациональная мысль не «начинается». Она очищает. Она исправляет. Она нормализует»³. В то же время понятие эпистемологического разрыва предполагает введение в логико-методологические построения современной философии науки представления о разных типах рациональности, в том числе и научной.

Возьмем первый период, первую из трех эпистем Фуко. Это уровень научного понимания и объяснения в XVI веке. Необходимо сконцентрировать внимание на содержании исследования М. Фуко «Слова и вещи», где объясняются четыре ключевых понятия, которые на поверхности мышления как феномены сознания сплетаются, усиливают или ограничивают друг друга. Речь идет о пригнанности, соперничестве, аналогии и симпатии. При помощи этих четырех типов подобия, формирующих в целом эпистему XVI века, мир существует в тождестве с самим собою; сходные вещи продолжают быть тем, чем они являются, а вместе с тем и похожими друг на друга. В период ренессансной эпистемы

Фуко указывает на сближение слов и вещей, они схожи друг с другом. А знание подобий основывается на определении примет. Приметы, согласно Фуко, помогают определить то, что издавна подготовлено мировым порядком для нашего величайшего блага.

Особенно рассматривается в работе язык XVI века, как непрозрачная, таинственная, замкнутая в себе вещь, соприкасающаяся с фигурами мира и переплетающаяся с ними. Он является частью великого распределения подобий и примет. Символическую функцию языка М. Фуко настаивает искать не в словах, как таковых, но в самом существовании языка, в его всеобщем отношении к всеобщности мира, в перекрещивании его пространства с местами и фигурами космоса. Язык является второй линией, находящейся в мире слов и вещей параллельно им же, он является их комментирующей речью. Комментарий является важным компонентом, так как он должен выявить та читаемым и истолковываемым языком глубочайшее значение исходного текста.

Рассматривая вторую эпистему, эпистему классического рационализма, стоит отметить резкое отличие ее от эпистемы ренессансной, здесь остается только отклик о том

2. Альтюссер Л. За Маркса. М., 2006. С. 302.

3. Башляр Г. Новый рационализм. М., Прогресс. 1987.

смешанном, лишенном твердых правил познания, в котором все вещи мира могли сближаться согласно случайностям опыта, традиций или легковерия.

В XVII веке образ мышления становится иным, классическое мышление перестает сопоставлять, слова и вещи. Теперь сходство — не форма знания, а, скорее, повод совершить ошибку. В эпистеме данного периода главными двигателями мысли становятся две формы сравнения: сравнение измерения и сравнение порядка. В ренессансной эпистеме нет строгих правил сравнения, там «предполагалась всеохватывающая система соответствий.

В пришедшем ей на смену, втором периоде культурно-исторических преобразований, становится возможным достичь совершенной точности, в то время как старая система подобий, никогда не завершаемая, всегда открытая для новых случайностей, могла становиться лишь все более вероятной, но точной она так никогда и не была.

Упорядочение приводит к зарождению таких точных наук, как грамматика, естественная история, и др. Говоря о порядке в классический период, следует также упомянуть о двух математических науках, матезисе — изучающим упорядочение простых объектов и таксономии — рассматривающей упорядочение сложных объектов. На них и прилегающих к ним науках порядка и держится знание XVII — XVIII вв.

Стоит коснуться языка классической эпистемы, в его рамках слова превращаются в дискурсию, а комментарий — в критику. Он плотно прилегает к познанию, вместе они находят один и тот же источник и один и тот же принцип функционирования; они опираются друг на друга, дополняют и критикуют друг друга. Интересно то, что позднее, в XIX веке, эта связь исчезнет, а останется чистый язык, который позднее станет литературой. Важно заметить возникновение понятия цены, стоимости и богатства, начавшееся в XVI веке, когда речь идет уже о происхождении реформ, и принявшее стремительный характер в классическую эпоху, вследствие чего люди XVII и XVIII веков думают о богатстве, природе или языках, не используя наследие, оставленное им предыдущими эпохами.

Если говорить о XIX веке, М. Фуко подчеркивает значимость истории как основы всего в мире, такой же важной, как и порядок в свое время эпистемы классической был всем пространством бытия вещей. Она выступает как мощный механизм, восполняющий ограниченность антропологических определений. А бытие отходит на второй план, важна только жизнь, которая представляется мышлению XIX века основной ценностью. С точки зрения языка, образуется позитивность филологии, несущая четыре теоретических сегмента. В первом освещается та особая возможность отличить каждый язык друг от друга, затем следует исследование внутренних вариаций, где начинается анализ языка. Третьим сегментом является исследование корня, дающее возможность проявить себя последнему исследованию, рассматривающему систему родства языков. В XIX веке язык занимает важнейшую позицию, поскольку он сам становится объектом наук. На первый план выходят грамматические структуры, современное интерпретирование текста становится не похоже на интерпретацию классической эпистемы. Стоит также отметить появление литературы как таковой. Главным является в этот период появление всех гуманитарных наук в целом, Событие это было результатом общей перестройки эпистемы.

В завершении своего исследования М. Фуко отмечает, что современную эпистему следует представлять как обширное открытое пространство, где математические науки существуют параллельно с естественными науками. Но в этих трех периодах мы не находим гуманитарных наук. В современной эпистеме с ее исчезновением дискурса, где

происходит смещение языка в сторону объективности и новое его проявление во всем многообразии, появляется продолжительный список вопросов о человеке, на которые Фуко так и не дает ответы. Он заключает только одно, что человек — это явление, возникшее не за одну эпоху, но исчезновение его может произойти внезапно. А если возникнет проблема исчезновения «тождеств, различий, признаков, эквивалентов, слов, как разрушена была на исходе XVIII века почва классического мышления, тогда — можно поручиться — человек исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке.»^{76 4}.

Библиография

1. Фуко М. Слова и вещи. М., «Прогресс», 1977.
2. Кун Т. Структура научных революций. М., «Олимп», 2003.
3. Альтюссер Л. За Маркса. М., «Праксис», 2006.
4. Башляр Г. Новый рационализм. М., Прогресс. 1987.

4. Фуко М. Слова и вещи. М., 1977. С. 201.